

Историческая ответственность и наследие истории на постсоветском пространстве

Аналитическая записка № 202
ПОНАРС Евразия
Май 2012 года

Юлия Никитина
МГИМО(У) МИД России

Для анализа взаимоотношений между Россией и другими постсоветскими государствами в настоящее время используются в основном два дискурса: постколониальный и постидеологический. Эти подходы лежат в основе большинства исследований по российской политике в Евразии и помогают создавать концептуальные рамки для политики стран Запада по отношению к постсоветским государствам и странам бывшего социалистического блока. При этом существует проблема переплетения данных дискурсов, которые сознательно или неосознанно отражены в национальных политических дискурсах российских соседей по постсоветскому пространству.

Первый из названных дискурсов – постколониальный – основан на восприятии Советского Союза в качестве империи и наследницы Российской империи. В рамках данного дискурса российская политика в постсоветской Евразии рассматривается как форма неокolonизма. Вместе с тем, такой подход ставит нас перед методологической проблемой: какие государства можно считать колониями СССР и России? Все бывшие республики СССР? Или же можно исключить Украину и Белоруссию как культурно и исторически близкие России территории? Должны ли бывшие соцстраны Центральной и Восточной Европы рассматриваться как колонии или полуколонии? Отметим, что пост- и неокolonизмальные подходы могут быть даже лестными для России, потому как они утверждают ее в роли регионального лидера и реального, а не только юридического преемника СССР, даже несмотря на отрицание наличия неоимперских амбиций российскими властями на официальном уровне. Именно из-за таких неоднозначных моментов классические постколониальные теории редко применяют к постсоветскому пространству.

В рамках второго – постидеологического – дискурса распад Советского Союза рассматривается как идеологическое поражение в холодной войне. Для двух анализируемых дискурсов можно найти модели и параллели в европейской

истории: европейский колониальный опыт и стратегии проживания национальной вины странами Оси после Второй мировой войны. В обоих случаях присутствуют элементы национального самообвинения и искреннего раскаяния, хотя и с разной спецификой. Если деколонизация в XX веке была во многом результатом сознательных усилий метрополий, то потерпевшие во Второй мировой войне поражение государства были вынуждены признать свою вину под давлением международного сообщества. Логика деколонизации и постколониальная вина привели к созданию программ помощи бывшим колониям на основе теорий модернизации. Денацификация и схожие процессы в других побежденных государствах привели к смене национальных идеологий и политических элит. Однако в постсоветской России мы не стали свидетелями схожих последствий «деколонизации» и деидеологизации.

Политические и идеологические оценки прошлого: так кто же виноват?

Как на политическом, так и на бытовом уровне восприятия достаточно сложно отделить социальную стабильность советского времени от идеологии. До сих пор остается непроясненным, в какой степени относительное социальное благополучие и стабильность базировались на плановой экономике, а в какой были оплачены ценой миллионов жертв авторитарного режима. Поскольку невозможно найти окончательный ответ на данный вопрос, в постсоветских государствах испытывают соблазн оценивать советское наследие исключительно негативно, что скорее ближе к логике анализа режимов Германии и Японии после Второй мировой войны, чем к анализу колониального опыта европейских держав.

Из такого подхода часто следует политика манипуляций на чувстве вины. Например, в спорах с Россией страны Балтии представляют себя жертвами советского режима и ждут от России первого шага к примирению, который бы выразался в признании имперской вины. Однако, Россия не идет на такие шаги, так как сама склонна считать себя жертвой. Самообвинения и признания вины не были частью российского политического дискурса 1990-х годов, потому что Россия воспринимала себя скорее (само-)освободителем, чем бывшим угнетателем. Когда же страны Балтии или Украина адресуют России обвинения в грехах СССР, российская сторона чувствует себя оскорбленной, потому что сама схожим образом пострадала от злоупотреблений советского режима.

Вопросы, связанные с правами русскоязычного населения в постсоветских странах (наиболее выраженные в странах Балтии и в Украине) можно рассматривать как примеры обратной дискриминации, которая стала следствием выбранных постсоветскими государствами этноцентричных стратегий строительства нации как наиболее простых и быстрых способов самоопределения и создания своей идентичности. Для России же с ее федеративным устройством и многонациональным составом было бы политическим самоубийством выбрать именно этноцентричный подход, в результате России пришлось сделать выбор в пользу более сложной для реализации стратегии гражданского национализма.

Российская сторона нервно реагирует на неравноправное по ее мнению отношение к русскоговорящим меньшинствам в других постсоветских странах не потому, что ставит под вопрос сам этноцентричный подход к строительству нации, но потому что считает несправедливым само основание для обратной

дискриминации. Часто политика колониализма сопровождается дискурсом «цивилизация против варваров» с опорой на этническую дискриминацию подчиняемых народов. В Советском Союзе, напротив, создание единого советского народа на основе классовой идентичности исключало (по крайней мере, на уровне идеологии) основы для этнической дискриминации. Титульные этнические группы в республиках всегда были представлены в местных структурах управления, а их национальные культуры официально поддерживались. Сейчас же в постсоветских государствах языковая дискриминация русскоязычных меньшинств ведет к дискриминации в политической и образовательной сферах. В России подобная ситуация воспринимается как неадекватная ответная реакция бывших советских республик, попытка отыграться.

И действительно, реальной причиной дискриминации русскоязычного населения в постсоветских государствах скорее можно считать желание восстановить историческую справедливость. Однако бывшая метрополия больше не существует на политическом уровне, а Российская Федерация представляет себя тоже в виде пострадавшей стороны. Таким образом, «месть» оказывается направлена на тех, кто персонифицирует поверженный советский режим, но на деле не несет ответственности за его грехи – речь идет о русских или русскоговорящих меньшинствах в постсоветских государствах.

В значительной степени в странах Балтии ситуация с дискриминационным подходом (включая суды над военными пенсионерами – участниками Второй мировой войны) может быть объяснена нежеланием взять на себя ответственность за коллаборационизм с нацистским режимом в ходе Второй мировой войны. Обвинения в адрес Советского Союза позволяют странам Балтии избежать признания неприятных или постыдных фактов в их собственной истории, которые представляются как вынужденная реакция на пакт Молотова-Риббентропа или последовавшую советскую оккупацию.

В конце концов, как Россия, так и страны Балтии пытаются избежать чувства вины, что приводит к взаимным обвинениям и своеобразной «гонке изобличений». В качестве ответной реакции на негативное отношение к советской политике Россия пытается обелить свое прошлое, иногда дело доходит даже до отрицания очевидных злоупотреблений советского режима. Для России основной сложностью в данном случае можно считать поиск правильного баланса между позитивными и негативными оценками политики советского режима. Даже через двадцать лет после распада СССР Москва не чувствует себя моральной готовой к такому разграничению. Если и Россия, и страны Балтии смогут принять свою часть ответственности за общее прошлое, посмотреть в лицо неприятным фактам, признать их и двигаться дальше (как например, произошло в отношениях стран Балтии с Германией), то это позволит снизить напряженность в двусторонних отношениях России и каждого из балтийских государств.

Раздвоенное восприятие: нео- или же пост-постколониальные стратегии России?

Москва неоднозначно относится к своему «имперскому» наследию и «бремени белого человека», полученного от Советского Союза. В ответ на заявления, что Советский Союз был империей, а 14 республик – колониями, Россия выдвигает следующий контраргумент: РСФСР не была доминирующей территорией

метрополии, которая эксплуатировала свои «колонии», напротив, союзный центр вкладывал средства в экономическое развитие остальных советских республик. Такую политику скорее можно назвать постколониальной и постимперской (что согласуется с идеологически обоснованной борьбой с империализмом). Таким образом, российскую политику после 1991 года по отношению к постсоветским государствам скорее можно назвать *пост*-постколониальной. Вместе с тем, некоторые аналитики считают, что экономические стратегии союзного центра были направлены не на развитие республик, а на создание сильной централизованной экономики с навязанным разделением труда, что привело к диспропорциям в развитии республиканских экономик и их чрезмерной специализации.

В сфере экономических взаимоотношений со странами постсоветского пространства в последние годы Россия в большей степени стала готова стать «нормальной» региональной державой без постколониальной вины или неоимперских амбиций. На практике такой подход выражается в желании деполитизировать экономические отношения с соседями по постсоветскому пространству, отходя от экономических предпочтений по политическим мотивам. Идея создания Евразийского союза во многом основана на этой новой логике: в новой планируемой структуре будут приветствоваться только те государства, которые готовы к сотрудничеству на основе единых правил и понимают, что нужно будет вкладываться в интеграцию.

Интересно отметить, что проект Евразийского союза привлек значительное внимание западных исследователей, в то время как в России эта инициатива была воспринята относительно спокойно. Возможно, преувеличенный интерес внешних наблюдателей к проекту будет проще понять, если иметь в виду, что они скорее вписывают идею создания Евразийского союза в логику реваншизма (по аналогии с германским реваншизмом), чем в логику постколониализма, тем самым воспринимая инициативу Москвы как попытку восстановить свое экономическое влияние. Такой же подход характерен и для восприятия Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества, которые рассматриваются как «Восточные НАТО» или «блоки диктаторов», созданные в противовес западным структурам – и это несмотря на то, что ОДКБ и ШОС стремятся к установлению отношений с европейскими и евроатлантическими структурами. Такой настороженный подход к любым региональным структурам в Евразии с участием России основан на инстинктивном и глубоко укоренившемся страхе реваншизма, основанном на примере Германии после Первой мировой войны. Но в таком случае, как показал исторический опыт, скорее включение, а не исключение из взаимодействия будет лекарством от реваншизма. В этой связи, возможно, Западу следует более серьезно подойти к анализу российской инициативы по подписанию Договора о европейской безопасности или, по крайней мере, воспринять этот проект как выражение потребности России не чувствовать себя изолированной в сфере безопасности на европейском континенте.

Обратим более пристальное внимание на такой аспект постколониальных отношений между метрополией и колониями как политика модернизации экономик и политических систем колонизированных территорий. В случае России эта ситуация оказывается частично перевернутой. В рамках программы ЕС Партнерство ради модернизации именно Россия оказалась субъектом

модернизации, в то время как демократические государства Балтии как члены ЕС и НАТО выступают в качестве источников и моделей политической и экономической модернизации для бывшей метрополии. Таким образом, иерархические отношения оказываются перевернутыми. Схожими примерами, когда бывшая колония занимает более значимое место в глобальной иерархии держав, можно считать США и Великобританию, Бразилию и Португалию.

Еще одну перевернутую иерархию, или инверсию, можно найти в сфере культуры. Постколониальные теории находятся под сильным влиянием концепции ориентализма, популяризированной Эдвардом Саидом. Эта концепция предполагает, что Запад социально конструирует Восток путем негативной инверсии западной культуры, создавая дискурс иерархии и «цивилизации против варваров» для подчинения местных народов. Однако данную концепцию сложно применить к Советской или новой России. Веками Россия находилась в поиске своей культурной и географической идентичности в метаниях между Европой, Азией и самобытным евразийским путем развития. Напротив, жители Балтии, даже при советской власти, всегда воспринимались их советскими и постсоветскими соседями, включая Россию, как более культурно развитые, более европейские и по-настоящему западные территории. По крайней мере на уровне обыденного восприятия именно метрополия воспринималась культурно отчужденной и более отсталой, чем эти «колонии».

Можно ли трансформировать советское наследие в «мягкую силу» России на постсоветском пространстве?

В последнее время российские политические элиты увлекла идея развития потенциала «мягкой власти» (soft power) России. Однако, эта стратегия основана в основном на том, что осталось от советского прошлого. Русский язык - язык общения для жителей бывших республик СССР - все больше теряет свои позиции. Молодое поколение рожденных после распада СССР чаще всего говорит только на национальных языках или предпочитает учить в качестве иностранного английский, турецкий или китайский. Оказалось, что общего прошлого недостаточно для создания общего будущего. Советское наследие не должно восприниматься как неизменная данность и нуждается в переоценке со стороны всех бывших республик, в первую очередь, со стороны России.

Основной сложностью на пути развития потенциала влияния России состоит в том, что Россия не может предложить никакой внятной политической и экономической модели развития, привлекательной для своих соседей. Подобная модель или же идеология, кроме того, могла бы помочь объединить участников региональных организаций в Евразии. До последнего времени Россия не была готова взять на себя ответственность за развитие региональных структур и не хотела быть региональным гегемоном, обеспечивающим стабильность. Однако в настоящее время ситуация, как представляется, начинает изменяться, по крайней мере, в сфере экономического сотрудничества и, в меньшей степени, в сфере безопасности.

В целом можно констатировать, что стратегии России по избеганию ответственности являются следствием нежелания произвести переоценку исторического опыта Советского Союза, четко определив свое отношение к различным фактам истории. Однако, выполнение этой работы необходимо, даже

если оно вступает в противоречие с великодержавными амбициями, диктуемыми имеющимися ресурсами и географией, которые, впрочем, часто воспринимаются скорее как проклятие, чем как благословение. До сих пор Россия не может решить, хочет ли она быть региональным лидером или же она устала платить за свое виртуальное региональное лидерство. Двадцать лет спустя после «цивилизованного развода» - самое время, чтобы решиться стать свободными от наследия прошлого и сделать свой выбор.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в Институте исследований Европы, России и Евразии (IERES) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org